

и «калька» подавляющего большинства видов «профанной» деятельности. Рассказывание мифов есть своеобразный возврат к истокам, к совершенству, в следствие лишь нарушавшемуся многократным отступлением от образцов. Следовательно, миф представляет собой прорыв священного в реальность, т.е. иерофанию. Элиаде, также как и Генон, выражает глубокую уверенность в том, что от ужаса истории современный человек может спастись лишь с помощью идеи бога. «Действительно, только допуская существование бога, он, с одной стороны, достигает свободы (которая ему дает автономность в мире, управляемом законами, или, иначе говоря, «открывает» ему способ быть новым и единственным во Вселенной), а с другой стороны – уверенности, что исторические трагедии имеют трансисторическое значение, даже если это значение не всегда ему ясно в его теперешнем человеческом существовании. Любое другое положение современного человека, в конечном счете, ведет к отчаянию. Отчаянию, вызванному не фактом его существования как человека, а его присутствием в историческом мире, в котором подавляющее большинство человеческих существ живет, терзаемое постоянным ужасом, пусть и не всегда осознаваемым», – утверждает Элиаде [7, с.143–144].

Итак, представители так называемого интегрального традиционализма, в отличие от представителей романтизма, пытались найти фундаментальную основу некоей единой для всего человечества традиции, обеспечивающей непрерывность определенного состояния культуры. На место линейной концепции истории и идеи прогресса, они стремились поставить архаическую концепцию циклического времени. Такая трансформация в сознании мыслителей была обусловлена рядом факторов: ускорившийся в XX веке темп истории, сопровождающийся индустриализацией, социальными и национальными конфликтами, выходом на историческую сцену «человека – массы». В своих суждениях им удалось выйти за рамки критики антифеодальных революций и теоретизации проблемы новаций. Традиционалисты поставили перед собой цель выявить онтологические основания любой дискретности («количественности») состояний сферы сущего вообще и культуры в частности.

Нам представляется весьма интересным рассмотрение идей философов – традиционалистов при дальнейшем анализе основных проблем и ведущих тенденций современного мира.

Источники и литература

1. Генон Р. Кризис современного мира. Пер. Н.В.Мелентьевой под ред. А.Г.Дугина. – М.: Историко-религиозная ассоциация «АРК –ТОГЕЯ», 1991. – 160 с.
2. Макаров А.И., Пигалев А.И. Традиционализм //Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: Харвест, 2002. – С.786–788.
3. Ницше Ф. Воля к власти // Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с немец. – Мн.: Харвест, 2003. – 1040 с.
4. Стефанов Ю.Н. Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. – 1991. – № 4. – С.31–42.
5. Цветов В. Пятнадцатый камень Сада Рёандзи; Мафия по –японски. – Мн.: Беларусь, 1989. –384 с.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 445 с.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение //Элиаде М. Космос и история. – М.: «Прогресс»,1987. – С.27–145.

Бельский И.С.

УТИЛИТАРНОЕ И ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Осмысление современной цивилизации как цивилизации «техногенной» является далеко не новым этапом в развитии представлений об исторических трансформациях и социокультурных факторах, их обуславливающих. Активная философская и научная разработка комплекса проблем, связанных с техногенной цивилизацией как особым типом социального развития, происходила по разным направлениям со второй половины XX в. и вплоть до сегодняшнего дня. Глобальные проблемы последствий развития техногенной цивилизации рассматривались, например, учёными «Римского клуба», начиная с 1968 г. (А. Печчеи, А. Кинг, Д. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель, Э. Ласло, Б. Гаврилишин и др.). Кроме того, основания для философского анализа происхождения и воспроизводства техногенной цивилизации были заложены ещё во второй половине XIX века в русле философии техники. Здесь следует упомянуть о книге Э. Каппа «Основания философии техники» (1877) и о вышедшей в начале прошлого века книге П. Энгельмейера «Философия техники».

В ряду современных российских философов, разрабатывающих данную проблематику, следует особо выделить В. С. Стёпина, в чьих многочисленных публикациях, посвящённых техногенной цивилизации, проводится детальный анализ её генезиса и форм воспроизводства. Итогом научной и философской разработки проблем техногенной цивилизации можно считать создание целостного представления о ней как об особом типе цивилизации, определяющие характеристики которой радикально отличаются от характеристик традиционных цивилизаций. Среди этих определяющих характеристик можно выделить несколько наиболее существенных.

Для техногенной цивилизации характерно резкое возрастание темпа социальных изменений. Эти изменения носят не экстенсивный характер (как в традиционных цивилизациях), а интенсивный. Социальный порядок в рамках техногенной цивилизации и его изменения замкнуты на самих себе. Это достигается за счёт непрерывного преобразования самих основ социального порядка и столь же непрерывного притока социальных инноваций. В системе ценностей техногенной цивилизации главной, или основной ценностью обладает имен-

но инновация, новое вообще. Особое значение и ценность придаётся автономии личности. Человек оказывается способным самостоятельно выбирать круг общения, входить в состав различных социальных групп, не будучи жёстко привязан ни к одной из них, совершать сознательный выбор тех или иных ценностей и культурных традиций. Своеобразной движущей силой, или локомотивом техногенной цивилизации является развитие техники и технологии. Движение это обеспечивается тесным переплетением и взаимным влиянием практики и теории, технического знания и знания научного. Ещё одна важнейшая характеристика техногенной цивилизации – ориентация на всё более ускоряющееся изменение природной и предметной среды, в которую погружён человек. Человек понимается в первую очередь как активно действующий субъект, а внешний мир – как пассивный объект, который необходимо преобразовывать и переделывать в соответствии со своими потребностями и нуждами. Преобразующая деятельность и вообще преобразование как таковое становятся доминирующим видом деятельности. Конкретные и осязаемые результаты этой деятельности, а также убеждение в способности человеческого разума разрешить самые глубокие загадки и тайны природы предоставляют человеку возможность рассматривать себя в качестве покорителя природного мира. Таковы основные определяющие характеристики техногенной цивилизации и мировоззренческие идеи, лежащие в её основе. Тем не менее, следует согласиться с В. С. Стёпиным, отмечающим в книге «Философия науки и техники», что в рамках новейшей европейской культурной традиции возникают и другие, в том числе и альтернативные, мировоззренческие идеи.

Несмотря на уже сложившееся в ходе философских исследований целостное представление о техногенной цивилизации, непрояснёнными остаются проблемы её сущностных оснований и «генетических корней». В частности, возникает следующий вопрос: в чём, собственно, смысл «техногенности» этой цивилизации? А для философской антропологии актуальным становится вопрос о влиянии «техногенности» современной цивилизации на воспроизводство определённых типов отношения человека к миру и самому себе.

Ясно, что смысл «техногенности» современной цивилизации может быть раскрыт только через обращение к технике и технологии как базовым понятиям, имеющим множество значений и непосредственно относящимся к человеческой деятельности и рефлексии над ней. Слово «техника» происходит от греческого *techne* – «умение», «искусство», «мастерство». Античное *techne* первоначально означало искусство или мастерство ремесленника (плотника, строителя) и вообще искусство во всякого рода производстве. Затем, по данным словаря «Социальная философия» (М., 2003), слово «техника» приобрело устойчивое значение всего искусного и ловкого. (Федяев Д. М. Техника // Социальная философия. Словарь. – М., «Академический проект», 2003). Техника строится на опыте и привычке, но, тем не менее, не растворяется полностью в обыденном, а основывается на правильном и ясном суждении. Она есть и знание о том, как произвести что-либо, и сам процесс производства, посредством которого нечто становится, реализуется. Техника очевидным образом связана с достижением определённых целей: и в виде знания, и в виде процесса производства она реализует некоторую форму, являющуюся целью. В целом техника связана с осуществлением успешного и эффективного действия, она является «знанием, как», в отличие от «знания, что». Широко распространённое понимание техники как некоторой совокупности приёмов и способов эффективной деятельности обусловлено наличием в ней, по выражению Д. М. Федяева, «специально выработанной «уловки», позволяющей разрешить сложную ситуацию и обратить её себе на пользу». Таким образом, техника оказывается приёмом или средством приобретения устойчивого характера эффективности действия, облегчающим выход из затруднительных положений. Такое смысловое значение термина «техника» очевидным образом коррелирует с понятием «польза» и, соответственно, утилитарным отношением человека к миру.

Русскоязычное слово «польза» – то же, что и «польга». Этимологически оно связано со словами «лёгкий», «легче», «по-легче». Латинское же слово «*utilitas*», считающееся эквивалентом русскоязычного «польза» восходит к древнелатинскому «*utor, usus sum*», с довольно широким кругом значений (жить, общаться, нуждаться, обнаруживать, употреблять, наслаждаться). Этимология слов «польза» и «*utilitas*» (производным от которого является «утилитарное») указывает на ожидание определённого желаемого состояния, при котором затраты и усилия человека при реализации определённых действий существенно уменьшаются. Польза, таким образом, всегда связана с приобретением некоторого средства, «облегчающего» реализацию действий в различных ситуациях.

В современной российской философской литературе представлены различные варианты интерпретаций категории «польза». Польза определяется как эффект ожидания желанного будущего, порождаемый непосредственным и регулярным употреблением (использованием) продукта совместной жизнедеятельности людей и чувственным удовлетворением от его реализации (В. И. Плотников); как характеристика средств, соотносящихся с интересами субъекта (индивидуального или коллективного), достаточных для достижения заданной цели (Р. Г. Апресян); как праксиологическая категория, выражающая позитивное значение одного объекта для другого объекта (М. С. Каган). Общим для всех этих определений является признание базисной роли деятельности и практики при определении сущностных оснований пользы, ориентация на прояснение этой категории в аспекте соотношения понятий цели и средств, субъекта и объекта. Следует отметить, что зачастую понятия пользы и полезности отождествляются либо определяются одинаковым способом, хотя в большинстве случаев присутствуют указания на их различие. По нашему мнению, польза может быть определена как состояние, при котором объём затрат и усилий при реализации определённых действий в соответствии с интересами, потребностями и целями субъекта существенно уменьшается. Полезность же – есть особая характеристика предметов и явлений, выражающая их применимость в качестве средств для достижения такого состояния. Утилитарное отношение к действительности, таким образом, характеризуется прежде всего поиском средств, способных обеспечить достижение желаемого состояния при минимальных усилиях и затратах. Заметим здесь, что для техники и «техногенности» также весьма характерно повышенное внимание к средствам, способствующим

наибольшей эффективности совершаемого действия.

Безусловно, необходимо отметить, что осмысление категории «польза» имеет свою историю. Понимание пользы как характеристики средств, достаточных для достижения заданной цели, развивалось Аристотелем, Т. Гоббсом, Ф. Хатчесоном, И. Бентамом. Дж. С. Милль разграничил понятия «польза», «выгода» и «корысть», понимая под последними интересы, осуществляемые за счёт интересов других субъектов. Своеобразного апогея смысл пользы достигает в идее утилитаризма, сформулированной в 1780 г. И. Бентамом и всесторонне обоснованной в 1863 г. Дж. С. Миллем. У Бентама польза становится универсальным принципом и отождествляется с благом. Бентам выдвинул формулу общего блага – «наибольшее счастье для наибольшего числа людей». Принцип пользы понимается им как принцип выбора действий и оценки поступков, ориентирующий на наибольшее благо. Весьма показательны представления И. Бентама и Дж. С. Милля о соотношении индивидов и сообщества, выраженные в принципе пользы: счастье общества – это счастье наибольшего числа индивидов, его составляющих. Нетрудно заметить соответствие этих представлений одной из отличительных характеристик техногенной цивилизации – ярко выраженной автономии личности, удовлетворение интересов которой обуславливает удовлетворение интересов всего сообщества. Кроме того, весьма примечателен тот факт, что появление (1780) и развитие (1863) утилитаризма совпадает с этапными моментами в развитии техногенной цивилизации.

В подавляющем большинстве случаев польза определяется как одна из аксиологических, или ценностных категорий, близкая по своему значению с категориями «целесообразность» и «ценность». Однако отождествление этих категорий неправомерно. Разграничение категорий «польза» и «ценность» и осмысление их соотношения представляется актуальной задачей для этики, аксиологии, социальной философии, философской антропологии. Это разграничение прежде всего способствует прояснению различий между утилитарным и ценностным отношением человеку к миру. Ясно, что для выполнения этой задачи необходимо обратиться к анализу категории «ценность». Подробный историко-философский анализ этой категории занял бы довольно много времени и места, однако в рамках данной статьи можно ограничиться наиболее распространёнными вариантами представлений о ценности, зафиксированными в современной российской философской литературе.

Ценность определяется как отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом (А. А. Ивин); как отношение объекта к субъекту, его роль в человеческой жизнедеятельности (М. С. Каган); как особое отношение между субъектами (Г. П. Выжлецов); как особое качество, которое связано с объектами и субъектами и характеризует их единственность, единство, их место во всеобщей взаимосвязи (П. Е. Матвеев); как мера затраты физических или духовных сил человека на созидание или освоение им элементов природной или социальной среды (В. В. Крюков). Во всех перечисленных определениях зафиксирован момент отношения либо между субъектом и объектом, либо между различными субъектами. Определения ценности через понятия качества или меры также подразумевают особого рода отношение, следствием или причиной которого они являются. Наряду с общностью некоторых признаков (соответствие интересам и потребностям субъекта, соответствие объекта представлениям о нём субъекта) полезность и ценность имеют и существенные различия. Так, если полезность отражает степень применимости объекта в качестве средства для достижения определённых целей субъекта, т. е. основывается на приобретении в самом широком смысле этого слова, то ценность отражает степень приложения физических и духовных усилий и затрат субъекта и характеризует соответствие объекта представлениям субъекта о должном. Очень точно сформулировал соотношение утилитарности и ценности А. Гулыга в своей книге «Эстетика в свете аксиологии»: «Утилитарная оценка (суждение типа «Этот предмет мне полезен») и отнесение к ценности («Этот предмет мне дорог») – два различных подхода к действительности, подчас связанных, а подчас резко противоположных». Утилитарное и ценностное отношения – действительно разные отношения к действительности. Ценность, будучи связана с ценой, и близкая по значению со стоимостью, основывается на затрате, в отличие от полезности, основанной на приобретении. Категории стоимости принято рассматривать в контексте экономических отношений. Однако это далеко не единственный из возможных контекстов её рассмотрения. Ведь задаются же вопросы: «Стоит ли жить, стоит ли любить, стоит ли жертвовать собой?».

Таким образом, на основе проведённого анализа утилитарного и ценностного отношений можно констатировать их существенные различия в способах проявления, роли и значении в условиях техногенной цивилизации. Потребность во всё более новых технических средствах для достижения целей, особый приоритет автономии личности, ориентация на преобразование природы с наименьшими усилиями и затратами имеют в качестве своей основы ярко выраженное утилитарное отношение к миру. Техногенная цивилизация вырастает из этого отношения и его воспроизводит. Последствия жёсткой ориентации на утилитарность мироотношения ярко выражены в изобретении атомной бомбы: оружие, способное с наименьшими затратами уничтожить всё человечество, может быть признано полезным относительно целей такого уничтожения, но не может быть признано ценным относительно представлений о должном.

Всё вышесказанное отнюдь не означает, что в рамках техногенной цивилизации ценностное отношение не присутствует вообще. Более того, именно наличие ценностного отношения, являющегося ядром культуры, позволяет современной техногенной цивилизации избежать самоуничтожения и потери устойчивых оснований в непрерывном потоке техно-потребительских инноваций. Тем не менее, основной вектор техногенной цивилизации направлен на формирование и воспроизведение именно утилитарного отношения к миру. В этом прослеживается сущностное основание её «техногенности».